

Воспоминанія генераль-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года ¹⁾.

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

Остановился онъ въ Обелешти-Нау, упряжная лошадь его заболѣла, долженъ былъ продать ее за 5 руб. [Чаще всѣхъ заѣзжалъ Рейнботъ, направляясь по дѣламъ службы въ Бухарестъ, да разъ заѣхалъ сынъ генерала Гершельна—артиллеристъ, состоящій при корпусномъ командирѣ, тоже по дорогѣ въ Бухарестъ. Новостей не получалось, по воскреснымъ днямъ, полковой священникъ служилъ всенощную и обѣдни въ румынской церкви, очень убогой по обстановкѣ, офицеры пѣли на клиросѣ, посѣщали церковь, это составляло отраду нашей скучной жизни. Насъ не мало удивляла бѣдность церквей въ Бессарабіи и крайнее невѣжество румынскихъ поповъ.

16 октября день былъ воскресный. Съ раннего утра нѣсколько скрипокъ заиграло у кабака странствующими цыганами, таковъ ужъ обычай у румынъ въ праздники, чтобы музыка играла. Въ этотъ день пришлось видѣть обрядъ вѣнчаній и крестинъ въ румынской церкви, и распространился слухъ, что Плевна пала, слухи эти такъ часто повторялись, что не вѣрилось, но оживляли монотонную жизнь. Въ числѣ достовѣрныхъ извѣстій получено было, что князь Абамелекъ изъ Будешти вызванъ начальникомъ отряда и назначенъ комендантомъ г. Калараша и что

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

приказано командировать подполковника Афанасьева въ Кіевъ за полушубками для всей дивизіи; такой командировкѣ многіе при бездѣятельности позавидовали и всякій спѣшилъ дать какое-нибудь порученіе, которое обязательный Михаилъ Григорьевичъ Афанасьевъ охотно бралъ исполнить, живо собрался въ путь и поѣхалъ въ Бухарестъ.

20-го октября 1-й дивизионъ, смѣнившійся съ постовъ, былъ на проѣздкѣ, въ 10 час. утра получилъ приказаніе изъ Калараша—Драгунскому полку тотчасъ перейти въ г. Ольтеницу, куда прибудетъ 2-я конная батарея. Посты по Дунаю, занимаемые драгунами, будутъ смѣнены уланами, и начальникомъ Ольтеницкаго отряда назначается ген.-маіоръ Лошкаревъ. Квартирьеровъ отправилъ я на перемѣнныхъ лошадяхъ тотчасъ по полученіи приказанія въ Ольтеницу, полкъ же только въ 2 ч. дня могъ выступить, надо было людямъ дать время пообѣдать, переходъ предстоялъ въ 30 верстъ.

Погода была пасмурная, скоро начало темнѣть, дорогу съ трудомъ можно было разобрать и то только благодаря телеграфнымъ столбамъ мы не потеряли ее. Полковой обозъ оставленъ былъ въ Обелешти-Нау до утра, эскадронныя же повозки въ темнотѣ часто опрокидывались и кашеваръ 1-го эскадрона, рядовой Бѣловъ сломалъ ногу, а при выступленіи дивизиона молодая лошадь 1-го же эскадрона напоролась на колъ и тутъ же пала. Тучи разразились ливнемъ; глинистая дорога размякла, и мы шли ощупью.

Такіе переходы безъ опредѣленной цѣли чрезвычайно дурно дѣйствуютъ на войска и имѣютъ вредное вліяніе на физическое и нравственное состояніе войскъ. Солдаты, придя на ночлегъ измученный, промокшій, весь въ грязи, не понимая цѣли такого перехода, дѣлается апатиченъ и безпеченъ. Въ кавалеріи въ особенности, выбившись изъ силъ, прежде чѣмъ отдохнуть, долженъ позаботиться о лошади. Сходить за кормомъ, отыскать водопой, укрыть куда-нибудь сѣдла, амуницію, а на дворѣ хоть глазъ выколи, такая темь. Въ такихъ случаяхъ, физическая немощь всегда беретъ вверхъ надъ обязанностью, если нѣтъ того, чтобы подбадривала и возбуждала нервную систему. Офицеръ съ квартирьерами встрѣтилъ меня у города и доложилъ, что мѣстныя власти не отводятъ помѣщенія въ городѣ. Что казачій № 11 полкъ стоитъ бивуакомъ за городомъ и что три эскадрона можно размѣстить въ пригородной деревнѣ Ольтеница. Было уже 9 час. вечера, надо было размѣститься кой-

какъ до утра. На другой день для Штаба полка, подъ лазаретъ, силою, съ содѣйствиємъ мѣстной полиціи отводились помѣщенія. Жители не желали имѣть постояльцевъ, дѣлали различныя затрудненія. Примарь города съ двумя полицейскими ходилъ изъ дома въ домъ и грозилъ выломать двери, если оказано будетъ сопротивленіе, только по моему энергичному настоянію № 4 эскадр. полка расположенъ былъ по окраинамъ города, а три прочихъ эскадрона въ пригородной деревнѣ, всѣ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Для меня отведена была квартира, гдѣ грязь и температура была невыносимая, здѣсь первый разъ обсыпали насъ вши. Послѣ долгихъ поисковъ, удалось завоевать себѣ другое помѣщеніе, нежилой флигель, сырой, холодный съ разбитыми стеклами, и находился въ той части города, которая подверглась бомбардировкѣ изъ Туртукая, одинъ только домъ былъ разрушенъ и весьма не многіе другіе пострадали.

22-го октября начальникъ отряда, генералъ Лошкаревъ долженъ былъ проѣхать. Я выѣхалъ ему навстрѣчу, въ деревню Спанцово, гдѣ № 3-й эскадронъ драгунъ занималъ посты по д. Дунаю. Начальникъ отряда осмотрѣлъ подробно посты, сообщивъ мнѣ, что драгуны назначены занять линію по р. Дунаю отъ д. Спанцово до р. Аржиса, а также и кордонный домъ лѣвѣе Туртукая, занимаемый ротами Путивльскаго полка, которая изъ Ольтениць должна выступить съ № 11 казачьимъ полкомъ въ составъ Журжевскаго отряда. То, что занимала прежде пѣхота, должны были занять три эскадрона драгунъ, служба предстояла тяжелая для кавалерійской части.

Петербургскій уланскій полкъ изъ д. Будешти переведенъ былъ въ Обелешти-Нау, должность коменданта г. Калараша была упразднена и кн. Абамелекъ причисленъ былъ снова къ уланскому полку.

24-го октября № 1 эскадронъ въ 5 час. веч. занялъ кордонъ и постъ по р. Дунаю, совмѣстно съ 1-мъ взводомъ пѣхоты для ознакомленія съ мѣстностью. Посты и кордонъ занимали спѣшенные драгуны, выставляя на ночь секреты, а коноводы становились у шоссе на окраинѣ города за деревьями, на 2-хъ-верстномъ разстояніи отъ кордона. При открытой мѣстности ближе коноводовъ держать нельзя было, турки стрѣляли по одиночнымъ людямъ, идущимъ на шоссе къ кордону, да и цѣли не было держать ближе коноводовъ, такъ какъ защитить берегъ отъ внезапной переправы драгуны не могли, а были

только сторожевыми постами, такъ что коноводовъ съ разсвѣтомъ я отправлялъ въ деревню Ольтеницу. 2-ая конная батарея изъ Будешти перешла въ Ольтеницу, надо было дивизиону драгунъ потѣсниться и дать мѣсто батареѣ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Турки, какъ предполагали, чтобы доказать свою бдительность на постахъ, аккуратно открывали огонь съ разсвѣтомъ и въ туманную погоду, стрѣляли совершенно безцѣльно, днемъ тоже выпускались нѣсколько выстрѣловъ, къ кордону турки отлично пристрѣлялись, стоило только показаться въ окно кордона, какъ нѣсколько пуль пускалось съ противоположной стороны и огонь открывался по всей турецкой линіи. До занятія постовъ драгунами турки свободно бродили по берегу, гоняли на водопой скотъ. Выстрѣлы пѣхоты вооруженной ружьями къ системы Крынка, не достигали того берега. Какъ только драгуны заняли эти посты, ихъ берданки прекратили безнаказанныя прогулки турокъ, убитая корова или волъ доказали, что наши пули стали долетать до ихъ берега.

Въ распоряженіе начальника Ольтеницкаго отряда поступилъ капитанъ румынской службы Вербичина, съ ротою дробанцевъ, которые занимали постъ правѣе р. Аржиса. Свѣдѣній особенныхъ не далъ капитанъ объ непріятелѣ, сообщилъ уже извѣстное, что у г. Туртукая усиленно работаютъ мельницы, принадлежащія туркамъ, и тамъ готовится провіантъ для войска. Эти мельницы сдѣлались заботою полковника Суражевскаго, который все просилъ позволенія попробовать ихъ разгромить, но дозволенія не получилъ, такъ какъ строго приказано было не только вызывательныхъ дѣйствій не предпринимать, но даже не стрѣлять и не отвѣчать на турецкій огонь.

25-го октября генералъ Лошкаревъ, подполковникъ Алексѣевъ и я ѣздили осматривать линію за р. Аржисъ, переправлялись на досчатой лодкѣ на островъ противъ Туртукая; видъ города очень красивъ, какъ и всѣ турецкіе города, раздѣляется на два квартала, турецкій и болгарскій. Съ острова городъ хорошо виденъ, вся уличная жизнь видна, присутствіе людей было замѣчено турецкими постами и даны были два выстрѣла. Островъ этотъ оберегался отдѣльнымъ пикетомъ отъ казачьяго полка и имѣлъ связь съ крайнимъ постомъ драгунъ, который былъ расположенъ за дамбою.

Въ этотъ день № 2 эскадронъ заступилъ на посты. Ночью офицерскіе разъѣзды были посылаемы на линіи. Городъ самый

Ольтеница въ мирное время ведетъ большую торговлю хлѣбомъ, на берегу устроены большіе магазины для хлѣба, теперь въ полномъ бездѣйствіи. Весь этотъ торговый людъ, преимущественно греки и евреи безъ дѣла сидятъ, румыне же съ раннего утра сидятъ въ кофейняхъ за картами; такая праздность насъ поражала. Жизнь военныхъ шла однообразно, на улицахъ грязь, по вечерамъ въ кофейняхъ цыганскій оркестръ заманивалъ офицеровъ.

Офицеры Путивльскаго баталіона отдохнули отъ сторожевой службы съ прибытіемъ драгунъ, они иногда покучивали въ кофейняхъ, замѣтилъ я въ особенности капитана Валка, который былъ въ Сербіи и имѣлъ видъ боевого отчаяннаго офицера. Всякій вечеръ собирались ко мнѣ старшіе офицеры полка и полковникъ Суражевскій, составлялись партіи въ карты. Очень оживленно и дружно шла бесѣда на всѣ темы офицерскихъ разговоровъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, именно 25-го октября входитъ въ комнату ротмистръ Брянчаниновъ, бывшій мой сослуживецъ по Кавалергардскому полку и находящійся по случаю войны въ распоряженіи начальника тыла арміи. Пріѣздомъ Брянчанинова я былъ обрадованъ, но тотчасъ мнѣ пришло въ голову, что не даромъ онъ пріѣхалъ, а вѣроятно съ порученіемъ по службѣ. Предположеніе мое оправдалось, подалъ мнѣ Брянчаниновъ конвертъ, съ предписаніемъ ген.-ад. Дрентельна произвести точное дознаніе совместно съ румынскимъ комиссаромъ Маржеска, „о нанесеніи оскорбленій дѣйствіемъ командиромъ Московскаго драгунскаго полка, полковникомъ Языковымъ, примору д. Спанцово и о томъ, что драгуны, расположенные въ выше упомянутой деревнѣ, производятъ насиліе и разбой сельскимъ жителямъ“. Подобнымъ обвиненіемъ я крайне былъ удивленъ, и первымъ отвѣтомъ моимъ было, что не только я, который и не видѣлъ примора, но что подобнаго происшествія во ввѣренномъ мнѣ полку не было и что завтра же лично поѣду съ Брянчаниновымъ и Маржеско въ Спанцово для производства слѣдствія, а пока просилъ Брянчанинова пригласить г. Маржеско ко мнѣ провести вечеръ, если не заняты особыми дѣлами. Приглашеніе мое Маржеско принялъ и явился. Все вниманіе моихъ сослуживцевъ, пришедшихъ, по обыкновенію, провести у меня вечеръ, было обращено на г. Маржеско, который съ первыхъ словъ, громкими фразами, началъ выражать свое неудовольствіе на румынскаго министра, что его особу тревожатъ командировками

изъ-за такихъ пустяковъ, что онъ самъ занималъ въ Румыніи министерскій постъ, и что должно скрыватья что-нибудь очень важное, что его экстренно командировали. Къ концу вечера Маржеско намъ казался совсѣмъ не тѣмъ, какъ при первоначальномъ своемъ появленіи. Передъ нами былъ олицетворенный румынъ, съ свойственною имъ всѣмъ хвастливостью, очень веселаго нрава, занимающійся адвокатурою, сотрудникъ какого-то журнала и служащій у своего правительства комиссаромъ, для разборки претензій со своими союзниками.

Походный ужинъ и веселая болтовня такъ развеселили моего обвинителя, что онъ только во 2-мъ часу ночи отправился въ гостиницу.

На другой день 26-го октября, въ 8 ч. утра, поѣхалъ я въ Спанцово, гдѣ собранъ былъ сельскій сходъ, результатомъ котораго по окончаніи подробнаго слѣдствія оказалось, что жители заявили претензію на исчезновеніе нѣсколькихъ куръ, что въ садахъ ихъ стоитъ эскадронъ бивуакомъ, что плетни ихъ отъ привязи лошадей портятся, всѣ эти убытки лично на мѣстѣ были осмотрѣны Маржескомъ, но ни воровства, ни грабежа, ни насилій никакихъ не было. Одинъ старикъ на сходкѣ добавилъ, что солдатъ поцѣловалъ его жену, что возбудило общій смѣхъ. По этому обвиненію Маржеско составилъ актъ, что обвиненіе преувеличено, что убытки это есть неизбежное послѣдствіе расквартированія войска не только въ военное, но и мирное время. Касательно второго обвиненія, выяснилось, что отъ примора доставленъ былъ конвертъ къ командиру № 3 эскадрона маіору Чулкову. На конвертѣ было написано въ 11-ю кавалерійскую дивизію, прежде здѣсь квартировавшую, Чулковъ отказался принять конвертъ, какъ не подлежащій по адресу. Отъ непониманія языка, посыльный настаивалъ, чтобы конвертъ былъ принятъ и докучалъ своею просьбою.

Бывшій при этомъ прапорщикъ Веревкинъ выпроводилъ за дверь рассыльнаго, а маіоръ Чулковъ за разъясненіемъ отправился къ примору. Дорогою, посыльный продолжалъ совать конвертъ Чулкову, который Чулковъ разорвалъ, а прапорщикъ Веревкинъ ударилъ нѣсколько разъ рассыльнаго. Проходившій тутъ священникъ, видѣвшій всю сцену, владѣя на сколько могъ русскимъ языкомъ, объяснилъ Чулкову, что посыльный есть лицо служебное, помощникъ примора: Веревкинъ тутъ же предложилъ денежное вознагражденіе потерпѣвшему, которое было

принято и претензіи не заявлялъ больше. Но выдавшій всю происшедшую сцену, писарь примора, будучи во враждѣ съ потерпѣвшимъ лицомъ, не долго думая, отправился въ Ольтеницу и по телеграфу далъ знать, въ Бухарестъ, что Драгунскій полковникъ бьетъ помощника примора и что жителя нѣтъ отъ солдатъ. Дешеша поступили къ министру внутреннихъ дѣлъ румынскому, и сыръ - боръ загорѣлся. Результатъ слѣдствія донесенъ мною начальнику дивизіи и въ присутствіи Брянчанинова и Моржески мною сдѣланъ былъ строгій выговоръ Чулкову и Веревкину, какъ подавшимъ поводъ къ безпорядку. Въ г. Ольтеницѣ между тѣмъ началъ распространяться слухъ, что у Калараша турки пытались навести мостъ, всѣ были насторожѣ и ожидали тревоги. Казачій № 11 полкъ, батальонъ и взводъ нашей артиллеріи получили приказаніе изъ Ольтеницы выступить въ Журжевскій отрядъ. На грѣхъ, 27-го октября, ночью 3 взводъ № 4 эскадрона, стоявшій на посту, вырвался у коневодовъ и проскакалъ по городу. Лошади прозябли и шарахнулись, происшедшій шумъ былъ принятъ за тревогу. Второй эскадронъ, какъ дежурная часть, тоже выскочилъ изъ мѣста расположенія.

Но скоро все разъяснилось, лошадей всѣхъ переловили, одна расшиблась, въ яму свалилась. На турецкомъ берегу даже выстрѣла не послѣдовало. Въ это же утро, казакъ съ поста прискакалъ съ донесеніемъ, что со стороны д. Спанцово по Дунаю идетъ пароходъ. Артиллерія была вызвана и потянулась къ берегу Дуная выбрать позицію. Батальонъ, не успѣвшій еще выступить, тоже посланъ былъ занять позицію. Драгунамъ приказано сдѣлать. Жители города тоже направились къ берегу полюбопытствовать, суматохи не было. Пароходъ, не доходя г. Туртукая, остановился близъ лѣваго берега и, какъ предполагать надо, сталъ нагружаться провіантомъ, доставленнымъ изъ Туртукая. Съ разсвѣтомъ, пароходъ ушелъ обратно въ Силистрію, волненія дня такъ и окончились. Получено было приказаніе № 11 казачій полкъ вернуть обратно въ Ольтеницу. Казачки, вернувшись въ свой бивуакъ, пожалѣли, что разорили передъ выступленіемъ свои шалаши, мастерски построенные.

1-го ноября генералъ Лошкаревъ получилъ депешу отъ генерала Дохтурова: Московскому драгунскому полку, № 1 казачьему и 1 конной батарее готовится къ выступленію за Дунай подъ начальствомъ ген.-маіора Лошкарева. Драгуны будутъ

смѣнены въ Ольтеницѣ уланами; казачій полкъ изъ Ускапешти, а конная батарея изъ д. Варешти соединятся съ драгунами на мартѣ. Приказаніе готовится къ выступленію всѣхъ обрадовало, но никто не зналъ, куда идемъ; отъ подполковника Афанасьева, посланнаго за полушубками въ Кіевъ, извѣстій не было, а неизвѣстность, куда идемъ, не давала надежды получить полушубки, въ которыхъ ощущалась потребность при бивуачномъ расположеніи и холодныхъ ночахъ.

2-го ноября вечеромъ, неожиданно изъ Калараша пріѣхалъ ген.-лейт. Дохтуровъ, проститься съ драгунскимъ полкомъ. Съ необыкновенною таинственностью передавалъ о сформированіи сводной бригады драгунъ и казаковъ, видимо огорченный, что остается въ Каларашѣ. 4-го ноября приказано было выступить въ д. Нечоешти, гдѣ ожидать маршрута.

Князь Абамелекъ съ командиромъ Петербургскаго уланскаго полка, полковникомъ Балкомъ, проѣхалъ на сторожевые посты въ д. Спанцово, гдѣ расположенъ былъ № 3 эскадронъ московскихъ драгунъ для наблюденія за берегомъ Дуная. Князь Абамелекъ приказалъ трубить тревогу, желая посмотреть, какъ скоро соберется эскадронъ. Къ счастью его, на сторожевыхъ постахъ не слышали тревоги, а то какой бы переполохъ произошелъ по всей береговой линіи Дуная. Дохтуровъ узналъ объ этой тревогѣ, и доставалось молодому князю съ строгимъ подтвержденіемъ тревогъ никакихъ не дѣлать.

Бывшій мой хозяинъ въ Обелешти-Нау г-нъ Александръ, однажды встрѣтивъ меня на улицѣ въ Ольтеницѣ, не могъ вспомнить безъ смѣху про воинственность князя Абемелека и рассказалъ мнѣ тоже про переполохъ, который князь надѣлалъ въ Обелешти, въ день прихода уланъ. Обозъ Уланскаго полка отъ Будешти пришелъ ночью въ Обелешти-Нау. Не зная мѣстности и чтобы вызвать кого изъ уланъ, расположившихся уже по хатамъ, сопровождавшій обозъ трубачъ началъ трубить разные сигналы. Воинственный князь, страдавшій по ночамъ бессонницею отъ ревматизма, принялъ сигналы за наступленіе непріятеля, взбудоражилъ весь спавшій домъ, арендатора, вооружился, лошади были осѣдланы. Уланамъ приказалъ сѣдлать, горя нетерпѣніемъ, отправился на квартиру командира полка и волновался, что тотъ спитъ спокойно.

5-го ноября драгунскій полкъ перешелъ въ Нечоешти, переходъ 15 в., деревня изъ 40 дворовъ, очень тѣсное помѣщеніе

для полка. Штабъ полка расположился въ с. Будешти въ 5 в., гдѣ уже былъ расположенъ казачій № 1 полкъ, флигель-адъют. полковника Кутейникова и 1-ая конная батарея полковника Голофѣева. Бригадному командиру и мнѣ отведено было помѣщеніе въ домѣ генерала Ману съ большимъ заустѣлымъ садомъ.

6-го ноября бригадный командиръ смотрѣлъ полки. Драгунскій полкъ представленъ былъ въ полныхъ 16-ти рядахъ. Генералъ Лошкаревъ остался доволенъ видомъ людей и свѣжестью лошадей. Въ этотъ день начальники частей обѣдали у генерала Лошкарева, упоминая объ этомъ, какъ объ исключительномъ случаѣ, генералъ этотъ отличался скупостію, доходящею до скарденности.

11-го ноября вечеромъ въ 8 часовъ получено было приказаніе выступить бригадѣ на другой день къ Плевнѣ. Извѣстіе это принесъ самъ Лошкаревъ ко мнѣ въ комнату, гдѣ Кутейниковъ и Голофѣевъ были, и мы порадовались, что на 13-е число выступимъ.

Первый переходъ былъ въ 20 вер. до д. Комъ. Казаки въ авангардѣ, батарея и драгуны въ походномъ порядкѣ. У самой деревни, расположенной на кручѣ предстояло перейти въ бродъ р. Аржису. Брода этого какъ-то никто не ожидалъ, поэтому отрядъ скучился, а выступившій раньше отряда обозъ загордиль бродъ, многія повозки засѣли въ водѣ. Обозные всѣ усилія употребляли вытащить повозки съ помощью припряженныхъ воловъ, безъ которыхъ плохо бы пришлось. Это затрудняло въ особенности переходъ на противоположный берегъ, который размѣстили переправившіеся казаки. Нѣкоторыя повозки и волю не могли вытянуть изъ воды, нѣсколько десятковъ казаковъ раздѣлись, несмотря на холодное время, по грудь въ водѣ, на рукахъ должны были вытаскивать повозки и вести въ поводу воловъ, которые иначе не двигались съ мѣста. Чтобы помочь драгунскому обозу, я далъ на водку казакамъ, которые помогли, драгунамъ не пришлось раздѣваться. Артиллерія съ большимъ трудомъ прошла бродъ, грунтъ вязкій, ящики зарядные въ особенности съ большимъ затрудненіемъ были вытащены. Противоположный берегъ подрыли, этимъ облегчило втаскиваніе орудій и зарядныхъ ящиковъ съ помощью людей. Переправившись, затрудненіе не менѣе было для обоза и батареи подняться въ крутую гору въ д. Комы. Пѣшіе

люди въ досчатой лодкѣ, наполненной водой, переправились на берегъ. Шли мы безъ проводника, и могли бы и избѣгнуть брода, сдѣлавъ 16-й вер. лишнихъ. Кухни перваго моего дивизіона сбились съ дороги и только на слѣдующемъ переходѣ присоединились, такъ что людямъ первый разъ пришлось варить пищу въ котелкахъ, что непривычныхъ эскадронныхъ командировъ сначала очень озабочивало, пришлось мнѣ сдѣлать внушеніе.

13-го ноября. С. Калагуреки, 13 в. пошли опять безъ проводника, окольною дорогою, лѣсомъ, болотами; версть 27 в. сдѣлали и вышли на шоссе, вдали котораго расположены были интендантскіе транспорты. Мосты на шоссе находились въ арендномъ содержаніи у частныхъ лицъ, преимущественно у евреевъ и съ транспортныхъ повозокъ брались платы, что возбуждало неудовольствіе погонщиковъ. Многіе обратились ко мнѣ съ вопросомъ, слѣдуетъ ли платить.

Еврей подалъ мнѣ бумагу, напечатанную по-румынски съ печатью, по которой я не могъ узнать, слѣдуетъ ли платить или нѣтъ, меня удивило, что на такомъ бойкомъ трактѣ управленіе военныхъ сообщеній не позаботилось на русскомъ языкѣ выставить объявленіе. Полкъ расположился въ двухъ деревняхъ. Деревня Комы состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и бывшаго заѣзжаго дома.

14 ноября переходъ въ Фратешти 21 в. Не доходя 6 вер. первые выстрѣлы услышаны были бомбардировки Руцука. Фратешти нашли мы переполненнымъ разнаго рода командами и транспортами, домовъ почти не существовало, были однѣ землянки съ кой-какими изгородями. Три эскадрона расположились въ Фратешти очень разбросанно, а одинъ эскадронъ, за неимѣніемъ помѣщенія, долженъ былъ на 5 в. выдвинуть и поставить въ деревню. Пока можно было избѣгать бивуачнаго расположенія. Меня принялъ къ себѣ на квартиру командиръ сапернаго парка полковникъ Кокинъ, пріютившійся самъ въ домъ Румынскаго комиссара.

Въ Фратешти можно было встрѣтить нижнихъ чиновъ и офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ, отправлявшихся въ Зимницу и уѣзжавшихъ изъ-за Дуная въ Бухарестъ. Масса народу толпилась у платформы жел. дор.; торговля шла всякою всячиною. Попадались на глаза солдатики въ безобразномъ видѣ, равно, какъ и ихъ партіонные начальники. Отъ многихъ пришлось мнѣ слышать объ различныхъ нижнихъ чинахъ. Отъ

квартиры полковника Кокина, гдѣ я остановился, до платформы жел. дор. было версты двѣ съ половиною, по этой равнинѣ были расположены палатки госпитальныхъ и вагенбургъ обозныхъ фуръ по подписямъ гвардейскаго корпуса. Тутъ же были бараки и палатки маркитантовъ и торговцевъ. Отправился я пѣшкомъ къ платформѣ жел. дор. посмотрѣть на весь этотъ людъ.

Пообѣдавъ у маркитанта, отправился я осмотрѣть госпитальные палатки. Первое, что меня поразило, нагой трупъ на носилкахъ, вѣроятно, только-что умершаго; между палатками солдатикъ обмывалъ покойника. Неужели нельзя было отвести для этого какую-нибудь палатку или закрытое помѣщеніе, а не дѣлать это на виду всѣхъ проходящихъ и проѣхавшаго тутъ же транспорта раненыхъ и больныхъ. Въ палаткахъ чисто и больные размѣщены просторно, молодой военный врачъ сопровождалъ меня, сообщилъ, что здѣсь помѣщаютъ больше больныхъ, преимущественно дезинтерію. Въ одной изъ палатокъ слышны были пѣсни и смѣхъ сестеръ, звуки которыхъ какъ-то больно отразились въ сердцѣ, среди лежащихъ страждущихъ людей.

Въ Фратешти назначена была дневка, вечеромъ получена была перемѣна маршрута. Переправа черезъ Дунай не у Зимницы, а у Никополя; къ Плевнѣ надлежало прибыть 24 числа. Движеніе наше какъ будто все замедлялось, не было обозначено въ маршрутѣ, гдѣ стоять, у Плевны. На другой день выступили въ с. Путенео 21 в. Здѣсь лазаретъ былъ Краснаго Креста съ уполномоченнымъ Бенкенсдорфомъ. Дорогою встрѣчены большіе транспорты больныхъ и раненыхъ, но нѣсколько человѣкъ лежало и сидѣло на трясучихъ телѣгахъ. Изъ нѣкоторыхъ выглядывали офицеры, способъ перевозки не представлялъ особыхъ удобствъ, желательныхъ для жертвъ войны. Въ Путенео комендантъ госпиталя пришелъ просить меня, что надо трубачей для развлечения больныхъ и священника для напутствования нѣкоторыхъ умирающихъ. То и другое было дано въ распоряженіе коменданта, который распорядился развести костеръ, чтобы трубачи могли грѣться, вечеръ очень холодный и темный былъ. Комендантъ сообщилъ, что сегодня ожидается пріѣздъ генераль-адъютанта Дрентельна въ Зимницу, выставлена подстава. Но генераль не пріѣхалъ. Квартира мнѣ отведена была въ землянкѣ, наполненной больными дѣтьми, такъ что я предпочелъ за деньги переночевать у хозяина лавочки, грека, который согласился впустить меня за 4 р., но съ условіемъ въ комнатѣ одну кровать не занимать. На это не обра-

щено было вниманія, да и надобности въ этомъ не было, такъ какъ у всякаго изъ насъ была походная стрекоза, такъ называли мы деревянныя складныя кровати французской системы, очень животрепещущія, но легкія и удобныя для перевозки. На звуки трубачей офицеры собрались къ шатрамъ „Краснаго Креста“. Докторъ и уполномоченный очень обязательно показывали устройство лазарета. Предложили офицерамъ чай, краснаго вина, старшему врачу даны были для полка нѣсколько турникетовъ (для перевязки ранъ).

Больныхъ въ лазаретѣ не много было, остались только слабые, прочіе были эвакуированы. Русское офицерство съ сестрами милосердія расположились въ большомъ шатрѣ за чайнымъ столомъ, и началась оживленная бесѣда. Личность доктора была очень симпатичная, если не ошибаюсь, фамиліей Покровскій, сынъ профессора Кіевскаго университета, рассказывалъ про сдѣланныя имъ удачныя операціи, про разныя раціональныя приспособленія, которыя дѣлались въ помѣщеніи для зимней кампаніи. Впослѣдствіи я узналъ, что докторъ этотъ заразился тифомъ и умеръ. До 11 час. веч. время незамѣтно прошло, съ фонаремъ вернулся домой съ своими сожителями Алексѣевымъ и братомъ и тотчасъ расположились на свои стрекозы и принялись прочитывать старыя газеты, которыя удалось получать въ Фратепти. Явился хозяинъ съ молодою женой и начали раздѣваться и расположились на постелѣ, которая по условію оставлена была незанятою. Видя такую патріархальность, долго мы смѣялись, что не смущало нашихъ хозяевъ.

17 ноября большой переходъ въ 40 верстъ въ г. Александрію, гдѣ стоялъ запасъ лошадей и больныя лошади гвардейской кавалеріи, оставленныя по приказанію генерала Гурко. Полкъ расположился бивуакомъ, полушубки пришлось вспомнить; ночью 6 лошадей трубачныхъ сорвались и убѣжали, четырехъ привели на слѣдующій день, а двѣ пропали безъ слѣда.

Слѣдующій переходъ былъ изъ г. Александріи въ д. Шатра въ 24 в. Землянки этой деревни были переполнены больными и ранеными, къ нашему приходу больные были увезены. Мнѣ отведена была землянка безъ оконъ съ удушливымъ больничнымъ запахомъ. На несчастье была назначена въ этой трущобѣ дневка, все время пришлось сидѣть съ зажженными свѣчами, не зная, когда день, когда ночь на дворѣ, выйти нельзя было: дождь и грязь ужасная; съ большимъ трудомъ могли достать подводы подъ больныхъ, процентъ которыхъ на каждомъ переходѣ увеличивался. Положеніе этихъ несчастныхъ

было самое ужасное, подъ дождемъ на воловыхъ каруцахъ тащиться цѣлый день. Гдѣ только можно было, больныхъ сдавали въ госпитали.

20 ноября пришли въ г. Турнъ-Могурели 27 в. переходъ. Полкъ сталъ бивуакомъ, въ городѣ страшная грязь, падалъ ваялась на улицахъ, торговля оживленная. Отъ разныхъ войскъ прїѣзжали изъ-за Дуная за покупками въ городъ. Мнѣ отведенъ былъ только-что построенный домъ, сырой и холодный, какъ погребъ, здѣсь надо было сдѣлать различный запасъ—свѣчей, сахару, спирту.

До г. Никополя оставалось 10 в. Начальникомъ отряда приказано было у моста отряду собраться и отслужить молебень, во время котораго всякому приходила мысль: кому-то суждено будетъ вернуться.

21 ноября въ 11 час. утра начали переходить грозный Дунай, смѣшанными рядами на дистанціяхъ. Румынскій офицеръ наблюдалъ за переправой. Г. Никополь имѣлъ видъ совершенно раззореннаго города со стороны Дуная.

Долго блуждали мы, пока не встрѣтили квартирера; по крутому подъему добрались даже до самой крѣпости, надо было вернуться назадъ. Никополь первый турецкій городъ съ мечетями, въ который полкъ вступилъ, узкія улицы, гористая мѣстность, сами жители, все обращало наше вниманіе. Большой радостью для насъ былъ правительственный телеграфъ, можно было по-русски послать депеши. Для генерала Лошкарева и для меня отведена была комната въ гостиницѣ, гдѣ изощрялся въ кулинарномъ искусствѣ грекъ. Хотѣлось взглянуть на турецкія бани, я и отправился. Дорогою осаждали меня мальчишки, Богъ вѣдаетъ какой національности, но хорошо выговаривающіе „капитанъ, дай гологанчекъ“, и только нагайкою можно было отдѣлаться отъ назойливости мальчишекъ. Баня оказалась переполненной солдатами, мнѣ сказано было, что черезъ часъ для офицеровъ будетъ очищено, но я не рѣшился воспользоваться. Въ тотъ же вечеръ Лошкаревъ получилъ измѣненіе маршрута идти въ Тростеникъ и въ Магалу.

22 ноября дневали въ Никополь; комендантъ города генералъ Столыпинъ отзывался въ главную квартиру и управленіе передавалось румынскому генералу. Въ этотъ вечеръ компанія румынскихъ офицеровъ кутила въ гостиницѣ подъ фирмою „Плевны“. Счетъ, поданный хозяиномъ, показался великъ, и Никопольская „Плевна“ была разрушена чуть не до осно-

ванія, строгое слѣдствіе было назначено. Я очень доволенъ былъ, что союзниковъ въ этомъ дѣлѣ у румынъ не было. Изъ Никополя выступили въ Бресляницу 25 в. Начиная съ самаго Никополя пришлось спускаться и подниматься на большія возвышенности.

Съ обозомъ много было затрудненій, драгуны и казаки помогали обозамъ, не обошлось безъ несчастнаго случая. Лошади лазаретной платформы понесли подъ гору, наскочили на камень, отъ толчка кучеръ свалился съ козелъ и фурой переѣхали ему около живота. Больной былъ сланъ въ румынскій госпиталь, расположенный по дорогѣ въ Бресляницу, гдѣ большое вниманіе было оказано больному и впоследствии больной этотъ оправился и уволенъ былъ въ неспособные, а былъ хорошій оружейникъ. По пути въ Бресляницу, проходили нѣсколько укрѣпленныхъ позицій,—очень тщательно отдѣланныя и замаскированныя дерномъ, со множествомъ ровиковъ для стрѣлковъ. Бресляница сама страшно раззорена, кое-гдѣ были отуцѣвшіе жители болгары. Въ разваленной корчмѣ помѣстился я на почлегѣ, гдѣ всю ночь въ очагѣ горѣлъ огонь, поддерживаемый всѣмъ, что попадало подъ руку.

Погода была самая ненастная, дулъ сильный вѣтеръ, и помѣщеніе мое ежеминутно пополнялось дымомъ, за весь походъ хуже этого убѣжища не было.

На другой день предстояло идти на Тростеникъ 25 в. переходъ, къ Плевнѣ все приближались, въ разстояніи 5 в. отъ аванпостовъ шли. Рѣку Видъ перешли въ бродъ у дер. Рыбно. Простымъ глазомъ можно было съ лѣвой стороны различить движущіяся войска. Посланъ былъ офицерскій разъѣздъ отъ драгунскаго полка узнать, что за войска и сообщить о нашемъ движеніи. Прапорщикъ Камсараканъ, подъ начальствомъ котораго находился этотъ разъѣздъ, привезъ извѣстіе, что генералъ Тотлебенъ дѣлаетъ смотръ румынскимъ войскамъ, а полковникъ Кутейниковъ, ѣздившій къ Плевнѣ, вернувшись въ Тростеникъ, привезъ извѣстіе, что сегодняшнею ночью ожидается вылазка Османа-паши изъ Плевны къ сторонѣ Тростеника. Генералъ Лошкаревъ приказалъ отряду стать бивуакомъ, не входя въ деревню Тростеникъ. Я забылъ упомянуть, что, выходя изъ Твери, полкъ забылъ, по оплошности командира нестроевой роты, взять офицерскія палатки, отпущенныя отъ интендантства, я телеграфировалъ, чтобъ выслали, но отвѣта не послѣдовало. Эту ночь большинство офицеровъ должны бы-

ли провести подъ открытымъ небомъ. Первый дивизионъ захватилъ палатки, а второй и штабъ полка былъ безъ палатокъ. Дождь полилъ, какъ только стали на бивуакъ. У окраины бивуака оказалась землянка съ буйволами, тутъ я и помѣстился съ нѣкоторыми офицерами, угощая другъ друга запасами, что у кого было, и наслаждались душевнеспасительнымъ чаемъ.

Недостатку въ фуражѣ, мясѣ и провіантѣ не было. Ночью опять бѣжали у меня двѣ лошади № 4 эскадрона, за туманомъ ихъ нельзя было отыскать. Къ выступленію полка 25 ноября, погода прояснилась, но земля очень размокла, переходъ въ Магалу 20 в. не большой былъ. Шли полями не убранной кукурузы и пшеницы, мѣстами видѣлись сложенные копны пшеницы и ячменя. Казаки моментально безъ всякаго приказанія рассыпались по полямъ. Копны раскалывались и снопы приторачивались къ сѣдламъ. Драгуны только съ разрѣшенія послѣдовали примѣру казаковъ, но дѣлали это какъ-то не умѣло, не то что казаки. Деревня Магала расположена у р. Искеръ и крутымъ спускомъ, съ котораго намъ пришлось спуститься. Жители турки бѣжали, остались не многіе торговцы болгары, которые позавладѣли турецкимъ имуществомъ. Въ Магалѣ былъ расположенъ конный лазаретъ и обозъ 4-го Мариупольскаго гусарскаго полка. Деревня большая Магала, но очень разбросана, съ оврагами и трясиными выше брюха лошади. Полкъ размѣстился бивуакомъ по эскадронамъ. Полковой квартирмейстеръ пришелъ мнѣ доложить, что фуража зернового нѣтъ. Расположенные здѣсь части посылаютъ за фуражемъ на турецкія поля и фуражируютъ ячмень, пшеницу въ снопахъ. Для моихъ собственныхъ лошадей у болгарскаго священника только можно было купить 2 мѣшка ячменю. Впослѣдствіи оказалось, священникъ этотъ забралъ большіе запасы турецкаго фуража и дѣлалъ гешефты. Солдаты пообѣдали и тотчасъ по 60 чел. съ эскадрона съ офицеромъ посланы были въ поля за фуражемъ, и всѣ десять дней, что стояли въ Магалѣ, посылались команды за фуражемъ верстъ за 7 и 12 отъ Магалы. Помѣстился я въ землянкѣ аршина 4 въ длину и ширину. Насъ было трое, то одинъ долженъ былъ помѣститься на подмосткахъ. Спасеніе наше было большой очагъ, который, какъ только потухалъ, нестерпимо холодно и сыро становилось, ночью старались поддерживать огонь, топливо же доставалось съ большимъ трудомъ. Сводная бригада причислена была къ гренадерскому корпусу генерала Ганецкаго I-го. Про-

віантъ должны были получать изъ Дольняго Дубняка, гдѣ былъ штабъ корпусный и интендантъ. Провіанта не оказалось, фуры четыре дня стояли въ Дольнемъ Дубнякѣ, ожидая подвоза сухарей. Солдаты питались кукурузами. У маркитантовъ нельзя было достать хлѣба, были дни, что за десятокъ сухарей платили 1 рубль серебромъ. Шоколаду можно было достать сколько угодно, а хлѣба нѣтъ. Генералъ Лошкаревъ какъ-то мѣшкалъ явиться корпусному командиру. Въ день прихода поѣхалъ въ тарантасѣ, завязъ, во второй день верхомъ заблудился, въ третій разъ попалъ въ корпусную квартиру. Определенной службы не дано было, приказано ожидать приказанія. Погода все дѣлалась хуже, дожди и туманы, солдатики построили шалаши изъ соломы и понадѣлали разныя защиты отъ непогодъ. Чарки водки выдавались ежедневно, мяса было вдоволь, сухари были выданы тотчасъ по полученіи, лошадямъ было очень сытно. У моей землянки день и ночь слышались отчаянные крики фурштатовъ, понукавшихъ лошадей и воловъ съ громадными возами фуража, посланные изъ Дольняго Дубняка и окрестныхъ деревень, гдѣ полный недостатокъ былъ фуража. За 60 верстъ пріѣзжали сюда за фуражемъ. На возахъ часто виднѣлись гуси, куры, солдатики везли гостинцы своимъ командирамъ. Эти лошади и волы изъ силъ выбивались не столько отъ тяжести, сколько отъ тонкой дороги, страшное бичеваніе происходило, солдаты забѣгали изъ дому въ домъ, ища, гдѣ купить хлѣба. Рядомъ съ моей землянкой, въ землянкѣ же безъ оконъ, помѣщались офицеры эскадрона № 2 съ капитаномъ Амосовымъ, у котораго украли чемоданъ и онъ остался безъ платья и бѣлья. Всѣ подѣлились съ нимъ, и Амосовъ экипировался. Ночью мыши не давали намъ спать, бѣготня и возня поднимались, какъ только ложились мы спать. 28 ноября утромъ съ казаками изъ главной квартиры привезено было приказаніе. Въ три перехода изъ Магалы перейти въ Пелишатъ, идти на Медованъ и Ральево на соединеніе съ Уланскимъ полкомъ и штабомъ 1 кавалерійской дивизіи. Извѣстіе это не обрадовало.

Выступленіе изъ Магалы назначено было на другой день. Въ полдень 28 ноября прискакалъ казакъ изъ Этрополя съ запискою отъ генералъ-лейтенанта Лошкарева 1-го, начальника 2 кавалерійской дивизіи, въ которой сказано было: „турки сего числа выступили изъ Плевны и завязали бой; сводной бригадѣ 1 кавалерійской дивизіи имѣть наблюденіе по р. Искеру до Дуная, чтобы непріятель не могъ прорваться, хотя бы оди-

ночными людьми". Столь серьезное приказаніе и извѣстіе за-стало полкъ въ самомъ критическомъ положеніи, эскадроны съ ранняго утра ушли за фуражемъ верстъ за 15. Посланные люди въ поле за эскадронами, слава Богу, встрѣтили эскадроны ужъ возвращающимися. Вѣсть, что Османъ вышелъ изъ Плевны, быстро разнеслась, переполохъ былъ ужасный, не знаю почему, но ждали, что ежеминутно покажется непріятель въ Магалу и направится на Виданъ. Среди этой сумятицы, дѣйствительно съ вершины показалась пѣхотная часть, идущая къ Магалѣ. Но скоро опасеніе наше разсѣялось, слышны были солдатскія пѣсни. Костромской пѣхотный полкъ, потерпѣвшій первый разъ подъ Плевною, вновь укомплектованный изъ Никополя шелъ по маршруту на Магалу.

Бригада скоро собралась, приказано было эскадрону № 2-й драгунъ идти по р. Искеру держать развѣздъ, эскадрону № 3 направиться, по дорогѣ къ Тростенику, а казачью сотню направили разводить къ Плевнѣ. Командиръ Костромскаго полка полковникъ Гудимъ, не имѣя опредѣленнаго извѣстія о вылазкѣ Османа, слышалъ только канонаду, дежурныя части расположилъ на возвышенностяхъ Магалы. Остальнымъ эскадронамъ я приказалъ разсѣдлать, но быть на чеку. Не могу понять, откуда, но слухи стали распространяться, самые разнорѣчивые и съ нѣкоторою правдивостью, какъ впоследствии оказалось о сраженіи подъ Плевною. Самымъ грустнымъ и правдивымъ извѣстіемъ было, что Османъ взялъ наши ложементы первой линіи и 6 орудій, потомъ пришло извѣстіе, что турки вернулись въ Плевну, не имѣя возможности прорваться. Лишь появлялись на улицѣ, хотя бы фурштатъ на волахъ, все это стремилось съ разспросами: что подъ Плевной? Нѣкоторые вопрошаемые имѣли глупый видъ и не знали, что Османъ вышелъ. Неожиданно мимо землянки моей проѣхалъ офицеръ коннаго полка съ лейбъ-казаками. Тотчасъ послалъ его просить къ себѣ, оказалось корнетъ Галль, ординарецъ главнокомандующаго, ѣхалъ къ генералу Арнольди съ приказаніемъ. О сраженіи подъ Плевною ничего не зналъ, когда утромъ выѣзжалъ изъ Медована, то слышалъ только усиленную команду. Сообщилъ Галль, что Сербія объявила войну Турціи, потери наши подъ Еленою были большія. Онъ дѣлалъ видъ штабнаго офицера, знающаго очень многое, но держащаго все въ большомъ секретѣ, очень доволенъ былъ, что снабдилъ его теплыми чулками, а то ѣхалъ налегкѣ, а на дворѣ холодно.

Пообѣдавъ, корнетъ Галлъ отправился въ путь, а мы остались дожидаться болѣе вѣрныхъ извѣстій отъ частей, посланныхъ въ разѣзды. Въ 9 час. вечера посланный отъ есаула Каргольскаго привезъ извѣстіе, что Плевна занята русскими и Османъ-паша сдался въ плѣнъ. Трудно представить себѣ ту радость и ликованіе отъ офицеровъ кончая послѣднимъ денщикомъ. Скоро вернулся и командиръ эскадрона № 2 капитанъ Амосовъ и подтвердилъ это радостное извѣстіе. 29 утромъ я и многіе офицеры полка поѣхали въ Плевну. На пути мнѣ попался командиръ сапернаго баталіона, стоящій въ Магалъ со своею частію, рассказывалъ, какъ два офицера 3-й гвардейской дивизіи въ туманный день вѣхали въ турецкую цѣпь парламентарями и были отпущены турками. Не доѣзжая р. Видъ на шоссе расположены были войска: пѣхота, артиллерія, Казанскій драгунскій полкъ и Кіевскій гусарскій, для встрѣчи Государя. Я и офицеры одѣты были не по формѣ, поэтому не рѣшились ни тутъ остаться, ни ѣхать въ Плевну, а поѣхали осматривать поле сраженія, испещренное ложементами. Картина представилась самая ужасная. Все пространство было усыяно турецкими патронами, лохмотьями одеждъ, изломаннымъ оружіемъ. На пути попадались солдаты, денщики, толпы болгаръ съ оружіемъ, разною домашнею утварью, подобранною на полѣ сраженія. Наши раненые и часть убитыхъ были убраны. Турецкіе же убитые и раненые еще лежали на полѣ, стонали, жалобно прося аманъ (пощады) и пить. Надо было лошадь вести очень осторожно, чтобъ не наступили на трупъ или на умирающаго. Санитаровъ, убравшихъ раненыхъ, было очень немного. Въ мѣстахъ были перевязочные пункты, куда сносились раненые, и наши доктора дѣлали перевязки туркамъ. У ложементовъ и въ самыхъ ложементахъ были груды убитыхъ турокъ, между ними и наши солдатики попадались. Многіе раненые турки, при приближеніи къ нимъ, притворялись убитыми, раны страшныя были, которыя только очевидецъ можетъ себѣ представить. Убитые и раненые турки были хорошо обмундированы, у каждаго былъ запасъ галетъ и кукурузы, патроновъ же безъ числа. Жестяные ящики не откупоренные съ патронами попадались на каждомъ шагу. Много убитыхъ и раненыхъ животныхъ, валялись лошади, волы, буйволы, видалъ даже одну корову. По рассказамъ, Османъ ринулся черезъ каменный мостъ и черезъ мостъ, построенный въ ночь на 28 число, быстро занялъ наши ложементы передовые и захватилъ орудія. Наступленіе шло цѣпями, которыя все подкрѣплялись, что и замѣт-

но было по расположенію убитыхъ. Когда гренадеры были отбиты и турки отступали къ мосту, то огонь нашей артиллеріи былъ сконцентрированъ на мостъ, гдѣ произошла страшная бойня, и въ 3 часа дня выкинуть былъ у моста бѣлый флагъ. Первые атаки велись вѣроятно самыми яркими фанатиками, въ первыхъ рядахъ попадались все народъ пожилой, многіе старики сѣдые. Масса впечатлѣній и видѣнное мною въ первый разъ жизни поле сраженія такъ разстроили мои нервы, что я съ страшною головою болью вернулся вечеромъ въ Магалу.

М. Д. Языкова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

